

...ладко жить; страшно жить;
стыдно жить.

(«Живи и помни»)

ГОВОРЯТ: он губит свой талант, он предал свое назначение. Перо изменило ему — и поделом: кликушествует, купается в грязи, связался с фашистами.

Кто это говорит? Среди прочих и те, кто еще вчера очень мягко стелил, не смущаясь, лстил в глаза, публично клялся в любви и верности «великому писателю» и «нашей гражданской совести».

Напомнить? «Читали новые рассказы Распутина? Не читали?! С завистью спрашиваем: не читал человек — значит, ему предстоит огромное наслаждение, еще одно открытие удивительного таланта. ...Читая новый рассказ Распутина, приобщаемся к чему-то солнечно-высокому, нисходящему на человека словно с небес...» и т. д. (Алесь Адамович. «Светоносная реальность». «ЛГ». 1 сентября 1982 г.).

Впрочем, и сегодня есть люди, которые упорно и, вероятно, искренне держатся прежних взглядов. Например, Игорь Шафаревиц считает, что Распутин — гений; что всякое посягательство на него есть обида, нанесенная всей нации; что ответом на нее должен быть массовый протест и проч. Смутно представляю, как это будет. Мирная демонстрация, что ли?

Сейчас уже довольно трудно вспомнить, когда именно Распутин, талантливый русский прозаик «с небольшой, но ухватистой силою», превратился в Писателя № 1, оселок общественной мысли, на котором правили словесное оружие все, кому не лень. Скорее всего, это случилось после высылки из СССР в начале 70-х несравненно более подходящего для этой роли Александра Солженицына. В образованную пустоту и провалился, оказавшись близостью Распутина. Его политическая лояльность и сугубо экологические требования к властям больше устраивали режим, нежели неуправляемый, взрывоопасный характер Солженицына. Но было бы в высшей степени несправедливым винить его за это. Каждый тянет по силам; и кто знает, что важнее — спасти Байкал и сибирские реки или «бодаться с дубом»?

Вина или, если хотите, беда Распутина в другом. Он слишком легко принял на веру исключительность своего положения среди интеллигенции и взялся за миссию духовного пророка, не имея на то никаких оснований, хотя бы в силу своего скромного призвания литератора. Говорят: не тогда молчала церковь и литература невольно выступала от ее имени. Это великая ложь: никогда ни от чего имени выступать не следует.

Не случайно в проповеди Распутина всегда есть неистребимая доля фальши. Это в нем какая-то даже и «нерусская» черта. Где, в какой сибирской глубинке он наслушался этих высокопарных рассуждений о «нравственности» и «духовности»? И какой мужик, не изумившись, не почесав крепко в затылке, воспримет фразу вроде: «Место для духовной пуповины, которой крепится каждый из нас к своему народу и своей земле, сегодня безоговорочно определено на помойке...» Или: «Недолго же играла музыка терпимости на празднике плюрализма...» Или: «Нынешние ругатели патриотизма лишь повторяют зады, не только пройденные, но и нажегшие бесчисленные духовные и материальные пепелища, они не утруждают себя извлечением истины из палки, которой Россия уже была битая...» (Валентин Распутин. «Интеллигенция и патриотизм». «Москва», № 2, 1991). Ну мыслимое ли это дело?

РАСПУТИН — настоящий писатель. Сегодня многие, слишком многие сомневаются в этом, объявляя его фигурой искусственной, подменной, не способной выжить в условиях свободы. Любопытно, что в одном из своих поздних рассказов, вызвавших недоумение в критике довольно необычной, исповедальной манерой, Распутин неожиданно сам усомнился в себе: «Не знаю, бывает ли у кого еще такое, но у меня нет чувства слитности с собой. Нет у меня, как положено, того ощущения,

что все во мне от начала до конца совпадает, смыкается во всех мелочах в одно целое, так что нигде не хлябает и не топорщится... Конечно, у нормального человека такого не бывает, это свойство людей случайных или подменных».

Но что бы ни говорили о нем сегодня и как бы он сам ни порочил свое имя соседством с «замечательными россиянами», некоторые его вещи, вроде незабываемых «Уроков французского» и «Василия и Василисы», войдут в антологию русской прозы вместе с «Трали-вали» Ю. Казакова, «Алешей бесконвойным» В. Шукшина, «Привычным делом» В. Белова, «Царь-рыбой» В. Астафьева...

В судьбе Распутина есть своя логика — верный признак неслучайно-

Н АДО признать, что в будущем он не менял ни своих симпатий, ни тем более антипатий. Люди — просто люди, не тофалары, наделенные свободой воли, совести и выбора, — вызывают у него если не откровенную неприязнь, то глухое, плохо скрываемое раздражение. Только оказавшись в безнадежном жизненном тупике («Деньги для Марии», «Пожар») или еще лучше — на пороге смерти («Живи и помни», «Последний срок»), человек может сподобиться внимательного, любовного и даже по-своему жалостливого взгляда писателя. Вспомните все его некогда гремевшие вещи, и вы убедитесь, что это так.

Откуда могло взяться?

Какой-то ответ предлагает, судя по всему, очень личного характера рас-

Павел БАСИНСКИЙ

MEMENTO MORI

Валентин Распутин, большой и маленький

сти его появления в литературе; есть своя внутренняя тема, свой конфликт, свой сюжет. Значит, есть не только слова, но и что-то еще.

Довольно рано в его прозе обнаруживаются две вещи: глубокое недоверие к жизни и странное, болезненное внимание ко всему, что связано со смертью. Потом критик Светлана Семенова напишет целую книгу о теме смерти в творчестве Распутина и — попадет в яблочко: Распутин любит смерть и все, что о ней напоминает. Вот его слова: «Смерть кажется страшной, но она же, смерть, засекает в души живых щедрый и полезный урожай, и из семени тайны и тлена созревает семя жизни и понимания».

Уже в первом, весьма слабом сборнике рассказов «Край возле самого неба» (Иркутск, 1966) молодой автор пишет о смерти. Внешне книжечка — вполне в духе «молодежной прозы» тех лет и — решительно... против этого духа. Дальние дороги, стройки, экспедиции, горы, тайга, комары, грубые свитера, костры, песни, мужество и, наконец, революция и Ленин — все как будто на месте, и все же что-то не так! Вдохновение осеняет автора, когда он пишет о тофаларах, древних жителях Саян, которые веками скрывались от внешнего мира в горах, пока революция не заставила их спуститься к людям. О революции, Ленин начинающий автор пишет хотя и уважительно (попробовал бы иначе!), но как-то холодно, по обязанности. И только один яркий штрих: старуха тофаларка приехала в Москву и пожелала увидеть мертвого Ленина. Москва и москвичи не тронули ее сердца, и лишь покинув мрачное здание Мавзолея, она чувствует любовь к Большому городу, словно она коснулась одного из его таинств.

Тофалар — значит человек. Вообще человек. У них нет выбора, поэтому они не ведают страданий личности, связанных, например, с одиночеством. «Эти силы перед тофаларом оказываются бессильными, это вино его не пьянит». Остальные люди, не тофалары, интересуют писателя только перед лицом смерти. Такое чувство, что смерть — единственная сила, которая примиряет автора с внешним миром за пределами Тофаларии. Характерный завет его рассказов такой: «Мне снова хочется в Тофаларию. Года четыре назад туда прилетела пожилая женщина. Она привезла с собой цинковый гроб...» («В Саяны приезжают с рюкзаками»). Или такой: «Мертвые разговаривают шепотом, мертвые кричат шепотом...» («И десь был могила в тайге»).

Так начинался Распутин.

сказ «Уроки французского». Мальчик для продолжения учебы покидает родную деревню и едет в место с бездушным названием РАЙОН, то есть в районный центр. Главный психологический мотив: никому нельзя верить! Надо прятать одежду, деньги, еду, мысли, душу... Иначе обворуют, ограбят да еще и посмеются над деревенским простаком. Единственное светлое пятно в рассказе — молодая учительница французского (недаром — французского и недаром — приезжая), которая искренне пытается помочь мальчишке выжить. Но как же долго он не верит в ее бескорыстие и какой мрачный конец у этой маленькой истории! Мир отвергает слишком добрую учительницу, а мальчишку — оставляет... скрипеть зубами, хитрить и драться. Драться, драться — за место под солнцем.

Недоверие «почвы» к цивилизации, деревни к городу, мужика к интеллигенту — все это, в общем, знакомо и даже, по справедливости, исторически оправдано. «Он не человек, он — мужик. А их на Руси много» — эта фраза интеллигентного уголовника из «Калины красной» Вас. Шукшина была лозунгом нашей государственной жизни со времени Петра.

Все так. Но только я решительно не могу признать, что Распутин — «почвенник». Слишком легко он вписался в общепринятую традицию 60-х, был тепло отмечен еще старым «Новым миром» (в статье И. Виноградова) и затем долгие годы считался любимой духовной пищей средней городской интеллигенции. Достаточно положить рядом, например, «Привычное дело» Вас. Белова и «Живи и помни» Вал. Распутина, чтобы почувствовать всю их коренную несовместимость. И дело не только в языке и стиле (более народном, чистом у Белова), но — в образе мыслей, душевных движений, каком-то общем психологическом рисунке.

Белов, когда он не ругается, а пишет о родном, всегда светел и прост. Лучшие его вещи («Привычное дело» и «Плотничье рассказы») обладают необходимой степенью эзотеричности, а проще говоря — духовной самозащиты, которая не позволяет, например, критике анатомизировать их, как эстетический труп. Так Салтыков-Щедрин говорил о Тургенева: о его прозе можно писать только его же словами.

Распутин, будучи весьма содержательным, тем не менее страшно неограничен и именно поэтому нравственно загадочен, темен. Он смотрит на мир

исподлобья тяжелым, изнурительным, вечно осуждающим взглядом. О таких говорят: он слова в простоте не скажет. Его творчество словно лишено благодати, ибо в нем нет простодушия — этой главной привилегии гения. Все персонажи жестко сидят в заданных смысловых гнездах и повинуются воле... даже не самого писателя, но какого-то верховного нравственного закона. И сам Распутин, похоже, боится этого закона, хотя и служит ему верой и правдой. Поэтому самое интересное в нем не художественное исполнение тех или иных вещей, не «литература», но внутренняя логика, согласно которой строится его мир.

Моя версия кому-то покажется нелепой, а кому-то, возможно, банальной. Меня же удивляет, почему наша

критика много и бестолково писавшая о «нравственных проблемах» Распутина, старательно обходила вниманием вещи очевидные. Исключение составляет статья Вал. Курбатова «Хлеб насущный» в «Литературной учебе», № 3, 1990, написанная, правда, темно и вяло, но верная по сути.)

Распутин — это слабое эхо протопопа Аввакума и — шире — всей раскольничьей традиции; тихий последний грандиозный духовный бунт, не прекратившегося и по сей день. Это резко выделяет писателя среди всех «деревенщиков», делает его явлением по-своему исключительным.

Прот. Георгий Флоровский в книге «Пути русского богословия» так описывает старообрядчество. Эмоциональный фон — Апокалипсис. Благодать ушла из мира. Значит, необходимо уходить из истории. Отсюда — парадоксальная, на первый взгляд, активность раскола в мирских делах. «Эсхатологический испуг, апокалиптическая мнительность, вдруг оборачивается своего рода гуманизмом, самоуверенностью...» Раскол — это «теократическая утопия».

В очерке о Байкале Распутин восторженно цитирует слова «неистового протопопа», впервые попавшего на великое озеро: «Около его горы высокие, утесы каменные и zelo высоки, — двадцать тысяч верст и больше волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и дворы, — все боготделано. (...) Птиц zelo много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры, и таймени, стерляди, и омули, и сига, и прочих родов много».

Но он опускает следующую фразу, без которой облик протопопа не виден: «А человек, суеи которой уподобится, дние его, яко сень, преходят! скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хочет, яко змия; ржет, зря на чужую красоту, яко Хреба; лукавует, яко бес; насыщаясь довольно, без правила спит; Бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает и не вем, камо отходит: или во свет, или во тьму...»

ОН НЕ ЛЮБИТ людей, или, говоря точнее, современных людей. Но что такое современность и кто ее определяет? Для Аввакума «новолюбцы» были такими же современниками, как для Распутина — «архаровцы». Его называли «светлым», даже «светоносным», но на самом деле он — глубокий пессимист. Все его персонажи суть люди обре-

ченные: или «не вем» что творящие, бессмысленно проживающие дни; или вынужденные добровольно уходить из мира, который покинула благодать. В первом случае обреченность есть наказание свыше, о котором люди и не догадываются, а во втором — своего рода последняя благодать: возможность чистой смерти или хотя бы земного искупляющего страдания.

Все это сообщает распутинской прозе черты своеобразной жестокости, которой не встретишь у подлинно христианских авторов, но которую легко обнаружить, например, в экзистенциальной тематике прозы 50—60-х годов и последующей «городской» литературы (Маканин, Курчаткин, Петрушевская, Пьецух).

Распутин и Аксенов, «Прощание с Матерой» и «Остров Крым». Какие разные, даже враждебные идеалы, и как похожи они по настроению. То, что дорого, что любишь, непременно должно погибнуть, будь то крестьянская Матера или буржуазный Крым. Иначе идеал лишен смысла. Мазохистское, в сущности, настроение. Только Распутин не просто показывает, а еще и судит своих героев. Точнее, в его глазах их наказывает Высшая Воля — Бог; однако показательна уверенность (самоуверенность?) писателя, с которой он подписывает бумаги на этом суде.

«Мы же речем: потеряли новолубцы существо Божие испадением от истинного Господа, святого и животворящего духа...» («Житие протопопа Аввакума...»). То, что носило у последнего характер духовного ригоризма (какие бы цели за ним ни скрывались), у Распутина приобретает смутное значение какой-то всеобщей исторической вины, которая и преследует его героев. Стыдно жить! — вот мысль, посещающая Настёну и старуху Дарью в минуту высшего духовного озарения. Но если старухи стоят перед лицом чистой, безгрешной смерти («Старухи Распутина почти безгрешны», — как-то заметил И. Дедков), то молодая Настёна должна погибнуть своей волей вместе с нерожденным ребенком, и «светлый» Распутин, не дрогнув мускулом лица, изображает этот глубоко противоестественный, противохристианский акт. «После похорон собрались бабы у Надьки на немудреные поминки и всплакнули: жалко было Настёну».

«Да што же делать? пускай горные мучатся все ради Христа! Быть тому так за Божию помощию... Писано: «не начный блажен, но скончавый» («Житие...»).

Мучаются Василий и Василиса («Василий и Василиса»). Мария и Кузьма («Деньги для Марии»), Настёна и Андрей («Живи и помни»), брат Михаил («Последний срок»), Иван Петрович («Пожар»), алкогоник и бич без имени и племени («Не могу-у...») и многие другие, а за всем этим слышится тихий шепоток автора: и хорошо... и так и надо... не пострадаешь — не спасешься...

И вот странно: голову принимая все эти истины, я все-таки душою не могу с ними согласиться. Почему?

Каждая истина должна иметь свое лицо. Важно не то, что говорит, но — кто говорит. В Распутине как личности не хватает какого-то прорыва: не то в последнюю гордыню, не то в последнее смирение. Никогда он, как Аввакум, не скажет о власти предрешающих: «сия внешняя блядь»; не сравнит себя с Христом; но и не вымолвит о себе столь просто и кротко: «Да што же делать?.. Любил протопоп со славными знатца, любил и терпеть до конца».

Может, потому, что сам все-таки не Аввакум. Сам все-таки — литератор.

Едва ли Распутин останется в русской истории, как и большинство тех, кто сегодня «делает политику». Но в русской литературе он останется. И вовсе не пресловутым философским содержанием своим, как правило, заемным, а какой-то неповторимой душевной интонацией своей прозы, заставляющей думать... о смерти. Вдруг в минуту детской радости и легкой душевной пустоты проклянет-ся откуда-то сверху желтый, старушечий палец (совсем не страшный, нет!) и погрозит тихо и укоризненно:

Живи и помни!

Распутин